

УДК 008.001

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПОДХОДОВ

Шуб Мария Львовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: shubka_83mail.ru

Кособуцкая Наталья Юрьевна, доцент кафедры педагогики хореографии, аспирант культурологического факультета, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: nkosobutskaja@mail.ru

Культурное наследие предстаёт перед нами не массивом застывших форм и искусственно консервированных традиций, а чрезвычайно плотно вплетённым в живую ткань актуальности явлением. Как это часто бывает в гуманитарной практике, единого подхода к его пониманию и интерпретации до сих пор не выработано. Большинство исследователей употребляют данный термин скорее на уровне здравого смысла, нежели в рамках чёткого терминологического оформления.

В рамках данной статьи мы систематизируем разрозненный массив различных авторских концепций культурного наследия. Приспособление наследия к условиям современности приводит к его неизбежной трансформации. Выбирая какой-либо исследовательский ракурс, учёные интерпретируют культурное наследие сквозь его призму. Более четкая дифференциация определений культурного наследия выглядит в следующих подходах: феноменологическом, ценностном, информационно-коммуникативном, охранительно-правовом и экономическом. Например, в феноменологическом подходе, наследие представлено как феномен культуры в концепциях ряда авторов. Пьер Нора – это память-наследие, с глубокой важностью традиции и исторических воспоминаний. Он выделяет изменения значения наследия как закономерный парадокс модернизационных процессов. В характеристике Лоуэнталя наследие представлено как одна из форм познания с ассоциативным рядом ценностных и когнитивных ориентиров в хронологической динамике, гибкой и податливой трансформации. Ценностный подход рассматривается с представлением феномена наследия как системы ценностей – материальной и интеллектуально-духовной. Как информационный компонент наследие отображено в подходе информационно-коммуникативного свойства с запечатлевающей, сохраняющей и передающей функциями для поколений будущего. Прагматичны и убедительны в изложении своих позиций авторы в заявленных подходах.

Мы попытались выработать собственное определение культурного наследия, синтезирующее всё многообразие подходов к его осмыслению, где мы понимаем совокупность актуально значимых, исторически устойчивых и селективных форм и результатов человеческой деятельности, репрезентированных в материальных, духовных и художественных образцах.

Ключевые слова: наследие, память, культурное наследие, культурная память, гуманитарные подходы.

CULTURAL HERITAGE IN THE LIGHT OF MODERN HUMANITARIAN APPROACHES

Shub Mariya Lvovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Culturology and Sociology Department, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: shubka_83@mail.ru

Kosobutskaya Natalya Yuryevna, Associate Professor of Pedagogy and Choreography Department, Postgraduate of Culturological Faculty, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: nkosobutskaya@mail.ru

The cultural heritage appears to us not as a mass of stiffened forms and artificially tinned traditions but the phenomenon which is extremely densely interwoven into living tissue of relevance. As it often happens in humanitarian practice, uniform approach to understanding and interpretation is still not developed. Most of researchers use this term, it is rather at the level of common sense, than within accurate terminological registration.

Within this article we systematize a separate array of various author's concepts of cultural heritage. It leads adjustment of heritages to conditions of the present to its inevitable transformation. Choosing any research foreshortening, scientists interpret cultural heritage through its prism. More accurate differentiation of definitions of cultural heritage looks in the following approaches: phenomenological, valuable, information and communicative, guarding and legal and economic. For example, in phenomenological approach, the heritage is presented as culture phenomenon in concepts of a number of authors. Pierre Nora has memory heritage, with deep importance of tradition and historical memoirs. He allocates changes of value of heritage as a natural paradox of modernization processes. In Louental's characteristic, the heritage is presented as one of knowledge forms with an associative array of valuable and cognitive reference points in chronological dynamics, flexible and pliable transformation. Valuable approach is considered with representation of a phenomenon of heritage as the systems of values: material, intellectual and spiritual. As information component the heritage is displayed in approach of information and communicative property with the imprinting, keeping and transferring the functions for the future generations. The authors in the stated approaches are pragmatic and convincing in statement of the positions.

They have tried to develop own definition of cultural heritage synthesizing everything in variety of approaches to judgment where they understand modern significant, historically steady and the selected forms and results of human activity represented in material, spiritual and art samples.

Keywords: heritage, memory, cultural heritage, cultural memory, humanitarian approaches.

В современной гуманитарной исследовательской практике феномен культурного наследия занимает особое место. Часть учёных обращаются к нему в рамках размышлений о культурной памяти, часть – как к самостоятельному явлению. Причины актуализации интереса научного сообщества к проблемам изучения и сохранения культурного наследия стоит искать в сложившейся на сегодняшний день социокультурной ситуации, в трансформации отношения к прошлому (популяризация нацистских идей, изменение понимания роли Советского Союза в борьбе в фашизмом и пр.), в так называемом «переписывании истории», даже в более локальных действиях, таких как, например, уничтожение памятников советским воинам в Польше и странах Прибалтики.

И в данной идеологической среде наследие чрезвычайно часто выступает разменной монетой, используемой различными силами как аргумент собственной правоты, как инструмент манипулирования общественным сознанием. Культурное наследие, таким образом, предстаёт не массивом застывших форм и искусственно консервированных традиций, а чрезвычайно плотно вплетённым в живую ткань актуальности явлением.

Однако, как это часто бывает в гуманитарной практике, единого подхода к его пониманию и интерпретации до сих пор не выработано. Более того, большинство исследователей употребляют данный термин скорее на уровне здравого смысла, нежели в рамках чёткого терминологического оформления.

В рамках данной статьи мы систематизируем разрозненный массив различных авторских концепций культурного наследия и на основе их анализа представим собственное определение данного феномена.

1. Феноменологический подход

Сразу оговоримся, что название этого подхода не отсылает нас к феноменологической философской школе, а констатирует лишь ракурс изучения наследия как феномена культуры. Данный подход представлен, главным образом, работами исторического и культурологического характера, объединяемыми включением наследия в более широкий общекультурный контекст его анализа.

Одним из первых такой ракурс изучения наследия апробировал П. Нора. В его концепции понятие наследия неразрывно связано с категорией памяти. Он даже вводит отдельный термин – «память-наследие»: «Под памятью-наследием не следует понимать ни резкое расширение понятия, ни недавние проблематичные попытки растянуть его на все предметы-свидетели национального прошлого, но гораздо более глубинную трансформацию в общественное достояние и в коллективное наследство традиционных ставок в борьбе внутри самой памяти» [9, с. 55–56].

Под этой борьбой «внутри самой памяти» исследователь понимает превращение живой памяти, воплощённой в традиции, в искусственно смоделированную форму воспоминаний – историю («возвышение исчезнувшей традиции до исторического сознания, реконструкцией феномена, от которого мы отделены и который больше всего интересует тех, кто ощущает себя его потомками и наследниками» [9, с. 126]). Её кристаллизация, визуализация, необходимые для «работы» с такого рода памятью, происходят в форме мест памяти, под которыми П. Нора понимает «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [9, с. 79]. В основе же любого места памяти лежит объект («элемент») наследия.

Исследователь подчёркивает искусственную природу памяти-истории и соответствующего ей наследия: подобно тому, как современное евро-

пейское общество утратило механизмы естественного формирования и передачи памяти в варианте традиции, наследие из результата естественной, органической потребности в сохранении прошлого превратилось в продукт продуманной политики памяти и объект манипуляции: «Огромный капитал наследия исчезает, чтобы ожить снова только под взглядом восстановленной истории» [9, с. 25]; «наследие полностью изменило значение, став из имущества, которым владеют по наследству, имуществом, которое конституирует вас» [9, с. 144].

П. Нора пишет о парадоксе наследия – чем выше интенсивность модернизационных процессов в современном обществе, чем стремительнее оно движется по пути прогресса, обрывая тончайшие связи с традицией, тем сильнее оно пытается сохранить фрагменты прошлого, причисляя к категории наследия всё, что может быть (и непременно будет) утрачено: «Ускоренное индустриализацией разрушение кадра традиционной жизни привело к защите естественных пространств... Одновременно стали присоединяться к наследию местные локальные сообщества, частные лица, объединенные все больше в многочисленные ассоциации национального, окружного или профессионального характера, от Достопримечательностей и Древних памятников Ардеш до Ажекта, основанного для защиты и сохранения старых железных дорог, или Федерации морской культуры Даурненеза [9, с. 135]».

Аналогичную мысль можно встретить и в работе Д. Лоуэнталя «Прошлое – чужая страна»: «Мы сохраняем прошлое потому, что поступь перемен истощила наследие, являющееся неотъемлемой частью нашей идентичности и благосостояния» [7, с. 25].

Именно в обеспечении идентичности современному социуму учёный и видит главное предназначение наследия. Его сохраняют и возвеличивают не ради него самого, не ради сбережения истории и даже не ради извлечения уроков из опыта минувших веков, а исключительно ради настоящего, поддержания его определённого образа, достижения значимых в актуальности целей, «для утверждения и возвеличивания настоящего» [7, с. 13]. Сам факт признания наследия наследием, сам акт включения в объём данного понятия какого-либо объекта уже существенным образом

видоизменяют наследие, вырывая его из контекста истории и помещая в новые условия бытия.

В силу этого, отмечает Д. Лоуэнталь, наследие, ассоциирующееся с чем-то консервативным и незабываемым, в действительности – явление чрезвычайно гибкое и податливое к трансформациям [7, с. 129]: «Оно должно меняться по мере того, как изменяются наши знания и ценности, по мере того, как переписывается история. Подобные изменения неизбежны» [7, с. 14].

Наследие, или, как иногда Д. Лоуэнталь называет его в своей работе, «реликты», является одной из форм познания прошлого наряду с памятью и историей. В отличие от последней, познающей прошлое как «чужую страну», наследие «относится к прошлому как к достоянию века нынешнего... Если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно» [7, с. 7]. Таким образом, помимо идентификационной, наследие выполняет и интегративную функцию, нивелируя временной разрыв между эпохами и поколениями.

Приспособление наследия к условиям современности, о котором мы говорили выше, приводит к его неизбежной трансформации. Д. Лоуэнталь выделяет две формы последней. Первая связана с непосредственным воздействием на наследие: «сохранение, иконоборчество, совершенствование, повторное использование... они изменяют их субстанцию, форму или отношение к местоположению» [7, с. 408–409]. Вторую форму можно назвать опосредованной, поскольку она не столь сильно затрагивает «физические условия существования остатков прошлого», но изменяет их символическое, ценностное значение для современности. Обе формы могут существовать как автономно, так и в комплексе. Но в любом случае они имеют ряд достоинств (особенно это относится к так называемому перемещению наследия, когда реликвии изымаются из аутентичного места их бытования и переносятся в новую среду):

- физическое сохранение «остатков прошлого», которые неизбежно исчезли, если бы их не объявили наследием;

- сохранение наследия делает прошлое более понятным и доступным;

- наследие позволяет обеспечить сакрализацию того места или той территории, на которой оно находится [7, с. 437].

В современном обществе, отмечает исследователь, можно выделить два подхода к возможности использования наследия:

- реновационный, связанный с понимаем значимости активного использования наследия в соответствии с актуальными потребностями («подобно старому колпаку от автомобильного колеса, который обретает новую жизнь в качестве горшка для кактуса»);

- музеефицирующий, основанный на убежденности в трепетном и аккуратном отношении к наследию и недопустимости какого-либо его «вторичного» использования [7, с. 441].

В целом взгляды Д. Лоуэнтала чрезвычайно близки к тем идеям, которые высказывает П. Нора. Подобно французскому учёному, он указывает на диверсификацию границ наследия, поглощающего всё, что только может ассоциироваться с прошлым, что может «пригодиться» в настоящем: «наследие включает в себя не только лондонский Тауэр, но и следы сельскохозяйственной деятельности, различимые лишь с помощью аэрофото съемки... не только замок герцога и его имущество, но... и самого герцога... Чем стремительнее поступь перемен, чем заметнее настоящее отличается даже от недавнего прошлого, тем более драгоценным и хрупким представляется большая часть материального наследия» [7, с. 328, 586].

Очень ярко понимание Д. Лоуэнталем роли наследия характеризует его цитата, фактически завершающая его труд: «Переработанное наследие приобретает искусственный вид согласованного единства, чуждого дряхлой, ветхой и расходящейся природе нетронутого прошлого» [7, с. 532].

Феноменологический подход, правда, в весьма размытом виде, прослеживается во взглядах Д. С. Лихачёва, о котором мы ещё будем упоминать. Он также рассматривал наследие в чрезвычайно широком, общекультурном контексте, связывая его социокультурный статус и с темпами научно-технического прогресса, и с ценностными установками общества, и в целом – с уровнем его гуманистического развития. Индикатором последнего, по мнению учёного, и является отношение общества к собственному прошлому и более конкретно – к собственному наследию [6].

Хотелось бы отметить позицию и ещё одного исследователя, чьи взгляды легко укладываются

ются в рамки феноменологического подхода – Д. Н. Замятина. Под наследием он понимает философскую, почти символическую субстанцию – «образ и понятие, характеризующие и как бы страхующие уникальную вечность данной культуры в себе и для себя... Наследие по существу может пониматься как определенный медиативный ментально-материальный культурный слой, как “кожа” культуры, необходимая ей для органичной жизни, воспроизводства и развития» [2, с. 77]. В этом он видит и базовую миссию наследия – обеспечение стабильной и устойчивой преемственности в развитии человеческого общества.

Д. Н. Замятин, подобно Д. Лоуэнталу, указывает на двойственную природу наследия – консервативную и инновативную. В своей консервативной ипостаси наследие выступает тормозом в развитии культуры, мешающим ей быстро и эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, вступать в диффузионные процессы, инокультурные взаимодействия и пр. Доминирования такого формата наследия, по мнению ученого, может привести к медленному умиранию культуры и к адаптации её наследия к условиям существования в рамках других культур (правда, как «чужого наследия»).

Инновативный формат наследия выступает как «культурная мембрана», «которая должна “процеживать” культурные вызовы и культурные образцы извне, со стороны других культур и цивилизаций» [2, с. 77]. В данном случае наследие не препятствует культурному обмену, а, напротив, обеспечивает его безопасность для культуры, координирует его масштабы и интенсивность, что может «приводить к рождению принципиально новых образов ментального и материального миров» [2, с. 77].

2. Ценностный подход

Как следует из названия данного подхода, в его основе лежит понимание культурного наследия как системы ценностей, актуализируемых и сохраняемых в рамках той или иной культуры. Этот подход прослеживается, правда, скорее, как некий смысловой подтекст, а не чётко сформулированная позиция, в работах Д. С. Лихачёва.

И. А. Петрова и её коллеги более конкретно формулируют собственное понимание аксиологической составляющей наследия: «Культурное и природное наследие не может существовать вне ценностей, присущих данному обществу, и поэтому аксиологическая трактовка наследия как феномена, на наш взгляд, является более приоритетной» [10].

Ю. А. Веденин, позицию которого можно было бы отнести и к охранительному подходу, поскольку он рассматривает проблемы сохранения наследия, в самом широком смысле всё-таки трактует его с позиции системы ценностей, а именно как «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для её дальнейшего развития» (см. [4, с. 4–9]).

Э. Баллер даёт два определения культурного наследия – контекстное и локальное. В рамках первого определения под наследием он понимает «совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох»; в рамках второго – «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» (см. [4, с. 52]).

3. Информационно-коммуникативный подход

В рамках данного подхода основной акцент делается на информационном компоненте наследия. Собственно, само наследие и трактуется как особая информационная система. Так, Д. С. Лихачёв в знаменитом документе «Декларация прав культуры и её международное значение» писал, что огромную роль в сохранении культуры играет сохранение точной и достоверной информации о ней в целом и культурном наследии в частности (о музеях, традициях, обычаях, коллекциях, традиционных религиях и пр.) [5, с. 35].

Более чётко на информационный компонент наследия указывала М. Е. Кулешова: «Наследие можно рассматривать как информационный по-

тенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах, и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [3, с. 41].

Е. Н. Мастеница также видит основную миссию культурного наследия в сохранении и трансляции информации. Так, она пишет: «По нашему мнению, материальное (как впрочем, и духовное) культурное наследие представляет собой сложную социокультурную систему, подчиненную синергетическим законам, активно взаимодействующую со средой и транслирующую определенную, меняющуюся во времени и пространстве информацию» [8]. Более того, она убеждена, что именно благодаря информационной составляющей («информационным кодам») наследия осуществляется основной информационно-знаний круговорот в рамках человеческой цивилизации, воспроизводство культурных ценностей и материальных достижений, их «движение» от одного поколения к другому.

Если под совокупным духовным опытом человечества понимать объём накопленной за всю историю человечества информации, то к данному подходу можно отнести и концепцию К. Хоруженко, поскольку он трактовал наследие как форму закрепления и передачи подобного опыта (см. [4]).

4. Охранительно-правовой подход

В рамках данного подхода к осмыслению наследия стоит упомянуть не столько концепции и теории, сколько юридические документы и нормативно-правовые акты, в которых и обозначаются основные позиции того или иного общества относительно сущности наследия, форм его бытия, инструментов сохранения, популяризации, трансляции и пр.

Поскольку данный аспект рассматриваемой нами проблемы не является ключевым, мы лишь выделим наиболее значимые документы, не останавливаясь подробно на анализе каждого из них:

– «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» («Гагская конвенция», 1954);

– «Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей» (1962);

– «Конвенция о сохранении Всемирного культурного и природного наследия» (Концепция ЮНЕСКО, 1972) – это один из наиболее значимых документов, в рамках которого, во-первых, было введено понятие природных и культурных достопримечательных мест; во-вторых, природное и культурное наследие рассматривались в единстве и взаимосвязи; в-третьих, наследие осмысливалось в контексте экономических и хозяйственных возможности его использования и сохранения;

– «Рекомендация о сохранении в национальном плане культурного и природного наследия» (1972);

– «Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей» (1976);

– «Рекомендация об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь» (1976);

– «Рекомендация о сохранении фольклора» (1989);

– «Конвенция ЮНЕСКО “Об охране нематериального культурного наследия”» (2003) и др.

5. Экономический подход

Интересно, что традиционно наследие трактовалось именно в контексте экономических связей и отношений собственности. Так, в издании 1970 под наследием понимается «имущество, которое досталось от отца или матери», а в работе 1979 года оно определяется как «собственность, передаваемую по наследству» [9, с. 31].

Сегодня с точки зрения экономики, культурное наследие есть разновидность экономической ценности и форма общественного блага [4].

В русле экономической интерпретации наследия мыслит и уже упоминавшийся нами Д. Н. Замятин. Он определяет его как особого рода капитал – символический. Исследователь пишет: «Наследие как символический капитал есть постоянно возрастающий, прибавляющийся сам к себе и в себе образ. И если исходить из образно-экономической аналогии понятия капитала, то в процессе этого символического возрастания происходит обмен различных культурных образов и символов, в котором, по сути, всегда некая признаваемая реальной, ментально-материальная субстанция, вещь, здание, артефакт становится как бы утраченной, полностью или частично, для

полноценного настоящего культурного пребывания и функционирования» [2, с. 80].

Мы полагаем, что такой довольно широкий перечень различных подходов к феномену культурного наследия оправдан сложностью и неоднозначностью данного явления и, вероятно, может быть назван открытым для дополнения.

Выбирая какой-либо исследовательский ракурс, учёные интерпретируют культурное наследие сквозь его призму – ценностную, информационную, охранительную и пр.

Мы же попытались выработать собственное определение культурного наследия, синтезирующее всё многообразие подходов к его осмыслению.

Итак, под культурным наследием мы понимаем совокупность актуально значимых, исторически устойчивых и селективных форм и результатов человеческой деятельности, репрезентированных в материальных, духовных и художественных образцах.

Литература

1. Веденин Ю. А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике: тез. докл. республ. науч.-практ. конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1997. – С. 49.
2. Замятин Д. Н. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия // Социолог. исслед. Социология культуры. – 2010. – № 2. – С. 75–82.
3. Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сб. науч. тр. – Москва: Изд-во РНИИ культур. и природ. наследия, 1994. – С. 41.
4. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 12–18.
5. Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 96 с.
6. Лихачёв Д. С. Память преодолевает время // Наше наследие: журн. – 2014. – № 108. – С. 1–4.
7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский остров, Владимир Даль, 2004. – 618 с.
8. Мастеница Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Мировая политика и идейные парадигмы эпохи: сб. ст. – СПб.: СПбГУКИ, 2008. – С. 252–262.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 865 с.
10. Петрова И. А., Кибасова Г. П., Назаров А. А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГПУ. – 2010. – № 4 (9). – URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 15.07.2017).

References

1. Vedenin Yu.A. Sovremennye problemy sokhraneniya naslediya [Modern problems of preservation of heritage]. *Kul'turnoe i prirodnnoe nasledie v regional'noy politike: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Cultural and natural heritage in regional policy. Abstracts of the Scientific and Practical Conference]. Stavropol, SGU Publ., 1997, p. 49. (In Russ.).
2. Zamyatin D.N. Obraz naslediya v kul'ture. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu ponyatiya naslediya [An image of heritage in culture. Methodological approaches to studying of a concept of heritage]. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sotsiologiya kul'tury* [Sociological researches. Culture sociology], 2010, no. 2, pp. 75-82. (In Russ.).
3. Kuleshova M.E. Ponyatiyno-terminologicheskaya sistema "prirodnnoe kul'turnoe nasledie": sodержanie i osnovnyye ponyatiya [Conceptual and terminological system "natural cultural heritage": contents and the basic concepts]. *Unikal'nye territorii v kul'turnom i prirodnom nasledii regionov: sb. nauch. tr.* [Unique territories in cultural and natural heritage of regions: Collection of scientific papers]. Moscow, Izdatel'stvo RNIi kul'turnogo i prirodnogo naslediya Publ., 1994, p. 41. (In Russ.).
4. Kuryanova T.S. Kul'turnoe nasledie: smyslovoe pole i praktika [Cultural heritage: semantic field and practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2011, no. 2, pp. 12-18. (In Russ.).
5. Likhachev D.S. *Deklaratsiya prav kul'tury i ee mezhdunarodnoe znachenie* [The declaration of the rights of culture and its international value]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGUP Publ., 2006, p. 35. (In Russ.).
6. Likhachev D.S. Pamyat' preodolevaet vremya [Memory overcomes time]. *Nashe nasledie: zhurnal* [Our heritage: Journal], 2014, no. 108, pp. 1-4. (In Russ.).

7. Louental D. *Proshloe – chuzhaya strana [The past – others country]*. St. Petersburg, Russkiy ostrov Publ., Vladimir Dal' Publ., 2004. 618 p. (In Russ.).
8. Mastenitsa E.N. Kul'turnoe nasledie v sovremennom mire: kontseptualizatsiya ponyatiya i problematiki [Cultural heritage in the modern world: conceptualization of a concept and perspective]. *Mirovaya politika i ideynye paradigmy epokhi: sbornik statey [World politics and the ideological paradigms of the epoch. Collection of articles]*. St. Petersburg, SPbGUKI Publ., 2008, pp. 252-262. (In Russ.).
9. Nora P. Problematika mest pamyati [Problematik's hole of places of memory]. *Frantsiya – pamyat' [France – memory]*. St. Petersburg, Izd-vo St. Petersburg University Publ., 1999. 865 p. (In Russ.).
10. Petrova I.A., Kibasova G.P., Nazarov A.A. Kul'turno-istoricheskoe nasledie: sovremennyye traktovki ponyatiya [Cultural and historical heritage: modern interpretations of a concept]. *Grani poznaniya: elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGPU [Knowledge Sides. Online scientific and educational magazine of VGPU]*, 2010, no. 4 (9). (In Russ.). Available at: www.grani.vspu.ru (accessed 15.07.2017).